

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-322-339

Социально-психологические причины распространения субкультуры «АУЕ» (неявные факторы актуальной проблемы)*

Т.А. Хагуров, Л.М. Чепелева

Кубанский государственный университет
ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Россия, 350040
(e-mail: khagurov@mail.ru; lada-chep@mail.ru)

Аннотация. В статье обозначены глубинные причины новой волны подростковой криминализации в российском обществе. Для этого проанализированы экспертные точки зрения на проблему и отмечена их противоречивость; обобщены основные формы поведения, связанного с принятием криминальных ценностей, — первичная, игровая, устойчивая вторичная криминализация, имеющие, как правило, разную социальную локализацию; рассмотрены исторические аспекты подростковой криминализации в российском обществе; обозначены социокультурные причины этого явления. На основе анализа ведомственной статистики и результатов эмпирических исследований, проведенных в 2019–2020 годы в рамках проекта РФФИ «Глубинные причины подростковой криминализации в современной России» в статье уточнены масштабы реальной и виртуальной криминализации, особенности правосознания, социально-психологического самочувствия и мировоззрения криминализированных и «обычных» подростков. Наряду с традиционно выделяемыми причинами криминализации (социально-экономическое и культурно-образовательное неравенство, депривация, территориально-географическая специфика и т.п.) авторы рассматривают и социокультурные факторы: во-первых, нарушения социализации и детско-родительских отношений, приводящие к депривации потребностей в любви и признании несовершеннолетних со стороны родителей и попыткам ее деструктивной компенсации в рамках криминальных практик; во-вторых, содержание актуальной подростковой героики, обуславливающей процессы нормативной и гендерной инверсии и распространение криминальной субкультуры, — как источника суррогатного псевдомаскулинного дискурса в подростково-молодежной среде. Авторы делают вывод, что профилактика подростковой криминализации должна строиться на основе психолого-педагогических и социокультурных технологий, главными субъектами которых являются семья, школа и государственная информационная политика, тогда как нормативно-юридические технологии социального контроля, субъектами которых являются административные и правоохранительные органы, должны выполнять скорее функцию сдерживания.

Ключевые слова: «АУЕ»; подростковая криминализация; криминальная субкультура; причины и факторы криминализации; нормативная маскулинность; деформации детско-родительских отношений

На различных этапах развития общества в центре внимания ученых-девиантологов, СМИ и общественности оказываются разные формы девиантного поведения молодежи, воспринимаемые как наиболее тревожные или

* © Хагуров Т.А., Чепелева Л.М., 2021

Статья поступила 20.02.2021 г. Статья принята к публикации 02.04.2021 г.

угрожающие социальному благополучию и стабильности. Так, в середине 2000-х годов внимание было приковано к проблеме разнообразных аддикций — от употребления психоактивных веществ до игромании и компьютерной зависимости, что проявлялось и в количестве публикаций по данной теме, и в содержании федеральных и региональных молодежных программ («Антинарко», «22:00 — детям пора домой» и т.п.). В 2010-х годах внимание сместилось к проблеме молодежного экстремизма и межэтнических конфликтов, что нашло отражение в научных и журналистских публикациях, тематике конференций, практиках работы с молодежью, содержании программ повышения квалификации государственных и муниципальных служащих. В последние годы наблюдается очередное смещение фокуса внимания ученых и практиков — к проблеме (не)криминализации подростков и молодежи, своеобразным «брендом» которой стала аббревиатура «АУЕ» («Арестантское уркаганское единство» или «Арестантский уклад един»).

С начала 2010-х годов наблюдается рост популярности криминальной тематики в русскоязычном Интернете, растет количество упоминаний «АУЕ» на разных платформах и хостингах [23]. В середине 2010-х годов в СМИ появляются упоминания об инцидентах с участием криминализированных подростков в Забайкалье, Бурятии и Татарстане [18]. В 2016 году в докладе специальной комиссии Совета по правам человека при Президенте РФ распространение «АУЕ» было названо угрозой национальной безопасности. В августе 2020 года Верховный суд РФ признал «АУЕ» экстремистским движением.

Однако ученые и управленцы часто высказывают противоположные точки зрения на криминализацию молодежи в России [13]. Одни видят в «АУЕ» признаки серьезной угрозы обществу [17]. Другие полагают, что реальный масштаб проблемы преувеличен, и рассматривают «АУЕ» как типичный интернет-симулякр [24]. Поэтому необходимо уточнить формы, особенности и причины подростковой криминализации в современной России и предложить практикам в сфере работы с молодежью возможные пути ее профилактики и искоренения. Некоторые задачи мы попытались решить в рамках проекта РФФИ «Глубинные причины подростковой неокриминализации в современной России», выполненного в 2019–2020 годы, часть результатов которого представлена ниже.

«АУЕ» как социальное явление

Противоречивость мнений экспертов неслучайна: территориальные, социально-экономические и культурные измерения криминализации сопрягаются нелинейным образом, то дополняя друг друга, то диссонируя. Существенное влияние на глубину и масштабы подростковой криминализации оказывают степень социально-экономического развития региона и количество расположенных в нем пенитенциарных учреждений. Фактически в каждом российском регионе присутствуют и реальная, и «игровая» криминализация, но различаются их масштабы и соотношение. Другой важный фактор —

социально-экономическая дифференциация внутри региона или территории — центр и глубинка, как правило, заметно различаются по уровню криминализации. Хотя «АУЕ» — субкультура преимущественно социальных низов, она привлекает часть подростков из среднего класса и «золотой молодежи» [25].

С учетом всех сложностей, возникающих при работе с официальной статистикой правонарушений (учет, раскрываемость, латентность и т.п.), ее данные показывают измеряемые масштабы преступности. Так, в социальном портрете российской преступности [16] нас интересуют данные по возрасту (несовершеннолетние и молодежь) и социальному составу (учащиеся и студенты). В целом в 2019 году молодежью до 30 лет совершено 34,76% от общего числа преступлений, 4,3% — несовершеннолетними: 13794 преступления совершены подростками 14–15 лет, 24159 — 16–17 летними юношами и девушками. Рассмотрим ситуацию в Краснодарском крае, основываясь на протоколах заседаний комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при администрации края [10; 11]: анализ структуры преступлений показывает, что среди них доминируют корыстно-имущественные преступления (82,5% от общего числа преступлений, совершенных несовершеннолетними), и абсолютное большинство среди них составляют кражи (646), затем идут угоны транспортных средств (76), грабежи (64) и т.д. В 2019 году в Краснодарском крае наблюдалось снижение частоты совершения некоторых категорий преступлений несовершеннолетними: групповая преступность снизилась на 3,8%, а с участием взрослых — на 5,5%; уменьшилось на 42,1% количество регистрируемых преступлений, совершенных подростками в состоянии алкогольного опьянения, на 3,9% — число преступлений средней тяжести, на 21,6% — число преступлений, связанных с причинением тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, на 14,3% сократились разбои, на 23,1% — мошенничества, на 14,6% — угоны транспортных средств, на 4,6% — преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств. Наряду с этим увеличилось число преступлений несовершеннолетних, относящихся к категории тяжких (на 16%) и особо тяжких (на 33,3%), в том числе убийств, изнасилований, вымогательств (на 400% — с 4 до 20). В 2020 году большинство зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними, по-прежнему составляют преступления корыстно-имущественной направленности (82,8%), и продолжился рост числа преступлений, относящихся к категории тяжких (на 15%) и особо тяжких на (27%). И это при том, что официальная статистика оперирует данными лишь о зарегистрированных преступлениях, а реальный уровень преступности в целом и преступности несовершеннолетних всегда выше. Но даже официальные данные не могут не вызывать тревогу.

Согласно выводам комиссии по делам несовершеннолетних в Краснодарском крае 47% малолетних преступников совершили противоправные деяния вследствие ненадлежащего контроля родителей или иных законных представителей, 10% — неорганизованной досуговой занятости в свободное время,

18% — низкого материального достатка семьи. Одним из существенных факторов подростковой криминализации является нарушение детско-родительских отношений: 45% несовершеннолетних преступников воспитывались в неполных семьях [11]. Зачастую сложные взаимоотношения с отчимами или сожительями матерей ведут к совершению несовершеннолетними преступлений.

Выводы комиссии подтверждают данные биографических интервью (N=26) с криминализированными подростками, находящимися в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа Краснодарского края и состоящими на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Подавляющее большинство респондентов имеют низкую успеваемость, не интересуются учебой, не имеют увлечений. Более половины (60%) респондентов проживают с мамой и отчимом, матери в 80% семей — домохозяйки, а отцы/отчимы не имеют основного места работы — в основном подрабатывают. Все семьи многодетные (более 4 детей), и респонденты — либо средние дети, либо старшие. Недостаток внимания со стороны значимых взрослых и отсутствие позитивной мотивации в учебе и увлечениях создают предпосылки для принятия в качестве референтной ценностно-смысловой матрицы «понятий» криминализированных подростковых компаний.

Интересны в этой связи результаты опроса, проведенного среди учащихся старших классов школ Краснодарского края (N=410, 9–11 классы). По результатам кластерного анализа ответов на вопрос об опыте асоциальных и делинквентных поступков были определены три поведенческих типа: 1) с неопределенным опытом — 38% (27% не совершали перечисленных девиантных поступков, 73% отказались отвечать); 2) с опытом антисоциального поведения — 18% (признались в совершении противоправных действий: физическое насилие над более слабыми, воровство, мелкое хулиганство, угон автомобиля, кража, вымогательство); 3) с опытом асоциального поведения — 44% (признались в нарушении морально-нравственных норм: побег из дома, систематические пропуски школы, агрессивное поведение, ложь, беспорядочные половые связи, настенные надписи и рисунки непристойного характера, ненормативная лексика). В целом более 60% респондентов имеют опыт совершения поступков, противоречащих либо морально-нравственным нормам, либо правовым.

С точки зрения влияния семейных дисфункций на криминализацию важны ответы на вопрос о ситуации в семьях респондентов. «Родители или взрослые, с которыми ты проживаешь...»: «тебя часто ругают» (7,4%, но в кластере с опытом антисоциального поведения — (14,1%); «часто ссорятся, ругаются между собой» (6,4%); «не работают, ощущают постоянную нехватку денег» (2,5%); «много выпивают или принимают наркотики» (2%); «изредка, бывает, тебя наказывают физически (бьют)» (3,4%); «обращают на тебя мало внимания» (9,9%). Все эти негативные показатели преимущественно присутствуют у респондентов с антисоциальным и асоциальным поведением. Так, статистически значимые отличия от других групп были обнаружены у второго кластера с опытом антисоциального поведения: «постоянно

заняты, у них нет времени общаться с тобой» — 29,6%; «любят выпить за обедом или за ужином» — 11,3%; «часто ругают» — 14,1%; «заставляют делать уроки, учиться» — 26,8%; «источник пищи, одежды, денег» (37,1%).

Кластер с неопределенным опытом отличает восприятие родителей как примера для подражания, здесь отсутствуют ответы «относятся к тебе жестоко, провоцируют конфликты, незаслуженно поднимают на тебя руку» (во втором кластере — 4,2%) и «склоняли тебя к воровству или другим противоправным действиям» (1,4%). Для кластера с асоциальным опытом более характерно восприятие семьи как места, где бывает всякое — и плохое, и хорошее.

Опыт совершения правонарушений — показатель первичной криминализации — коррелирует с дисфункциями семейного воспитания, нарушениями детско-родительских отношений и характером организации свободного времени. В ответах на вопрос о предпочитаемых формах досуга проявились различия между кластерами: так, среди респондентов с неопределенным опытом меньше тех, кто ничего не делает на досуге, наиболее часто такой досуг предпочитают респонденты с антисоциальным поведением (13,4%), а респонденты из первого кластера чаще выполняют домашнее задание в свободное время (35,1%). Респонденты с неопределенным опытом реже проводят время в Интернете за играми (10,3%) или в социальных сетях (25,3%) по сравнению с респондентами с антисоциальным поведением (17,9% и 35,8%). Правонарушители реже остальных посещают тематические интернет-сайты, предпочитая просмотр телевизора или видео (28,4%).

Достаточно большое количество респондентов во всех кластерах предпочитают проводить время в компании друзей, особенно респонденты с неопределенным опытом (29,9%), которые также чаще проводят время с семьей (16,7%), чем с молодым человеком или девушкой (11,5%), в отличие от представителей других кластеров. Респонденты с асоциальным и антисоциальным опытом чаще проводят время на улице (15,4% и 16,4%). В варианте «другое» часто упоминались экстремальные занятия (маунтинбайк, мотоциклы, лонгборд), занятия спортом (футбол, танцы, боевые искусства) и творчество (декор, цветы, рисование, украшения), а также драки (второй и третий кластеры).

Количественные и качественные исследования подтвердили, что криминальная субкультура существует в форме устойчивого набора паттернов: отказ от учебы и профессии как социально-значимых видов деятельности (или формальное, ритуалистическое отношение к ним), стремление к быстрому достижению материального успеха противоправным путем или с помощью «везения», социальный паразитизм, отсутствие продуктивных увлечений (спорт, творчество, учеба и т.п.), использование агрессии и эксплуатации в качестве доминирующих стратегий в межличностных отношениях, преклонение перед насилием и презрение к интеллекту и высокой культуре, регуляция поведения на основе «понятий» (девиантная ценностно-нормативная матрица), употребление алкоголя и наркотиков, примитивизация лексикона и активное использование ненормативной лексики. У трети криминализированной молодежи субкультурная криминализация сопровождается регулярным

совершением осознанных противоправных действий (кражи, разбой и вымогательство, избияния и притеснения сверстников и т.п.). Большинство представителей «АУЕ» — носители практик *демонстративной* криминализации, поскольку подражают поведению и манере общения реального криминалитета (например, вымогают у сверстников деньги для передачи в пенитенциарные учреждения).

Оценить масштабы виртуальной криминализации проще, поскольку здесь фактор латентности, затрудняющий оценку количества реальных правонарушений, не действует. Самые популярные сообщества криминальной тематики в социальных сетях насчитывают по 150–200 тысяч членов, но количество заинтересованных, но не зарегистрированных пользователей, несомненно, больше. Активная работа правоохранительных органов по блокированию таких ресурсов в сетях Одноклассники и ВКонтакте в 2019–2020 годы привела к их массовому перетеканию в Инстаграм и ТикТок.

Если проанализировать Инстаграм по хештегам (#), то можно обнаружить большое количество публикаций, посвященных «АУЕ»: #ауе — более 340 тысяч публикаций; #ауежизньворам — более 48,5 тысяч; #арестанскийукладедин — более 1000; #блатнойжаргон — более 11,5 тысяч; #беспредел — 135; #вечервхату — 14,1; #ворвзаконе — 119; #доляворовская — 35; #жизньворам — 160; #фартумасти — 33,3 тысяч. Это лишь небольшая часть из общего массива публикаций криминальной тематики в Инстаграме, где также существует множество групп криминальной направленности — наиболее популярные из них приведены в Таблице 1 (практически во всех группах за полгода возросло количество подписчиков, в некоторых — в 10 раз; несколько групп по введенным ранее запросам не были найдены — вероятно были удалены или заблокированы).

Таблица 1

Наиболее популярные группы «АУЕ» в Инстаграме

Название группы	Количество подписчиков
АУЕ... Жизнь ворам	38,8 тысяч человек, преимущественно мужчины кавказских национальностей. Основной статус — «Только бог мне судья». На аватарке — восьмиконечная звезда с надписью *АУЕ*. Размещаются в основном видеосюжеты.
Криминальный мир	84 тысячи, преимущественно мужчины. Основной статус — «Мы и есть криминал». На аватарке — восьмиконечная звезда. Размещаются видеосюжеты.
Те, кому интересен воровской мир	52,9 тысячи, преимущественно мужчины. На аватарке — восьмиконечная звезда и лик Пресвятой Богородицы. Размещаются видеосюжеты.
Здесь криминал	47 тысяч, преимущественно мужчины. Основной статус — «Добро пожаловать в мир криминала». На аватарке — восьмиконечная звезда. Размещаются видеосюжеты.
Криминал в твоей крови	41,8 тысяч, преимущественно мужчины. Основные статусы — «Самая криминальная группа», «Криминал прошлого и современности», «Воры, мошенники, убийцы». На аватарке — восьмиконечная звезда. Размещаются видеосюжеты.

На основе контент-анализа интернет-ресурсов по тематике «АУЕ» был разработан предварительный вариант типологии их пользователей, который включает в себя три основные формы (первичной, игровой, устойчивой вторичной) криминализации и согласуется с наблюдениями подростков, имеющих опыт столкновения с «АУЕ» [12].

1. Адепты первичной криминализации, «дети городских окраин» — представители социально-неблагополучных слоев, чьи представления о самореализации мало связаны с учебой и успешной карьерой. Их повседневная жизнь строится вокруг дворового «тусования» в компании сверстников в сочетании с курением и регулярным употреблением алкоголя. Скука в сочетании с алкоголем часто побуждает их к совершению спонтанных правонарушений — краж или агрессивных действий по отношению к сверстникам. Повседневное поведение и общение конструируется под влиянием криминальных «понятий», транслируемых более взрослыми и «опытными» «наставниками». Являются активными потребителями криминального фольклора и низового музыкального искусства.

2. Адепты игровой криминализации, чаще всего криминализируемая «золотая молодежь» — выходцы из благополучных социальных слоев, «нормальных» семей, где родители успешно работают, а у детей есть перспективное будущее. Распространенной проблемой таких семей является недостаток общения детей и родителей, дефицит внимания, побуждающий детей компенсировать его за счет девиантных форм самоутверждения. Криминализация проявляется прежде всего на уровне субкультурных практик: сленг, манера общения, одежда, копирование поведения героев криминальных боевиков, специфическая активность в социальных сетях. Большинство представителей группы с возрастом перерастают увлечение криминальной романтикой, отказываясь от девиантных жизненных стратегий в пользу нормативных (учеба, карьера).

3. Адепты устойчивой (вторичной) криминализации, «реальные уголовники» — как правило, для «ауезированных» подростков столкновение с правоохранительными органами становится своего рода точкой бифуркации: для одних страх получить реальное наказание в виде лишения свободы становится социальным барьером, возвращающим к нормативным стратегиям при наличии достаточных ресурсов ресоциализации в виде семьи, социального окружения, учебы, работы, позитивных жизненных планов и т.п.; для других — своеобразной криминальной инициацией, закрепляющей криминальную идентичность и готовность к реализации соответствующих девиантных стратегий. Молодежь, прошедшая криминальную социализацию через осознанное совершение правонарушений, взаимодействие с пенитенциарной системой и приобщение к «уголовному братству», становится устойчивым носителем и транслятором идеологии «АУЕ» и соответствующих криминальных ценностей и норм в среду подростков.

Российское общество в XX веке пережило несколько волн подростковой криминализации. Первые две — послереволюционная и послевоенная —

были обусловлены глубокими социально-экономическими потрясениями, беспризорностью и сиротством и были достаточно успешно преодолены советской воспитательной системой. Третья волна (конца 1980-х — начало 1990-х) криминализации затронула не только подростков и молодежь, но все общество. Перестройка и порожденный ею ценностно-нормативный кризис обусловили не просто аномию российского общества, но и нормативную инверсию — замену норм морали и права криминальными «понятиями»: «На некоторое время влияние бандитов стало преобладающим в экономике, политике и повседневной жизни. Бандитская субкультура “обогастила” российскую массовую культуру романами, кинофильмами и песнями соответствующего стиля и содержания, которые, в свою очередь, сделали слова, жесты и нормы новой социальной группы еще более популярными в потерявшем ценностные ориентиры обществе» [1].

Официальная культура, институты социализации и социального контроля на длительное время оказалась неспособна адекватно выполнять нормирующие и социализирующие функции, уступая по степени влияния на подростков масс-медиа и улице. Ситуация стала меняться в начале 2000-х годов — по мере укрепления государственных институтов и коррекции молодежной и культурной политики. Криминальная субкультура приобрела положенные ей черты маргинальности, а определенная респектабельность социального уклада утвердилась в качестве культурного мейнстрима.

«АУЕ» отражает четвертую волну криминализации подростков и молодежи, отличающуюся от предыдущих волн меньшими масштабами и новизной форм социальной репрезентации. Принятые в качестве классических модели объяснения причин подростковой криминализации оказываются здесь недостаточными. Большинство теорий, объясняющих причины девиантного поведения, были созданы в конце XIX — середине XX века в рамках нескольких базовых подходов (функционализм и теория аномии, теория конфликта, интеракционизм и теория наклеивания ярлыков, субкультурная теория) и основывались на изучении «классических» типов криминализации. Разработки, позиционирующие себя как альтернативу девиантологической классике, в большинстве своем носят декларативный и/или нормативно-описательный, а не объяснительный характер. Кроме того, большинство англоязычных публикаций выполнены под влиянием постмодернистской методологии, поэтому их можно отнести к одной из четырех групп: описания в духе социологии повседневности, не занимающиеся поиском глубинных причин; критика социального порядка в терминах неравенства жизненных шансов как главной причины криминализации в духе леворадикального неомарксизма или неотроцкизма; критика социального порядка как репрессивного и порождающих ответную репрессивность в контркультурах; акцент на гендерных различиях приобщения к криминальным ценностям и приобретения криминального опыта. В своем исследовании мы обратились к анализу «глубинных» (культурных и психологических) факторов криминализации.

Факторы подростковой неокриминализации

Как правило, приобщение подростков к противоправным ценностям связывают с социальной исключенностью, отсутствием жизненных шансов, девиантным социальным окружением и т.п. — эти факторы с мощным влиянием можно отнести к явным, «грубым» причинам криминализации. В отношении «детей городских окраин» — обитателей социально-экономического «придонья» — эти объяснения достаточно успешно работают. Однако для понимания причин «игровой» или реальной криминализации подростков из благополучных социальных слоев таких объяснений недостаточно.

Анализируя содержание и структуру интересов несовершеннолетних, мы получили интересные данные об их культурных предпочтениях. Оказалось, что мультфильмы чаще всего смотрят респонденты с опытом совершения правонарушений (33,8%), что в два раза превосходит аналогичный показатель у подростков с неопределенным опытом (16,3%). Мы не задавали вопрос, мультфильмы какого содержания имели в виду респонденты, но можно предположить две взаимосвязанные интерпретации. Во-первых, сам факт увлечения мультфильмами в подростковом возрасте свидетельствует о психологическом «застревании» в детстве, инфантильности. Во-вторых, значительная часть современной мультипликационной продукции для детско-подростковой аудитории транслирует образцы антисоциального поведения — цинизм и жестокость по отношению к людям, дискредитацию статуса взрослых, стимулы к противоправным действиям и т.д. Причем во многих мультфильмах такой стиль поведения демонстрируют и положительные персонажи: подростки, идентифицируя себя с этими героями, подражая им, усваивают антисоциальные модели поведения, принимая их как норму.

Поведение респондентов в социальных сетях — основной информационной среде современного подростка — также различается. Все группы молодежи сегодня находятся под влиянием ценностей потребительской культуры, транслируемой масс-медиа, но глубина этого влияния различается. Так, респонденты с антисоциальным опытом (39,4%) чаще состоят в сообществах, посвященных потребительским практикам (мода, одежда и т.п.) и знаменитостям (у других кластеров интерес к этим темам почти вдвое ниже). Компенсация неудовлетворенности собственной жизнью вниманием к жизни звезд — характерный признак незрелого, инфантильного сознания. Уход от реальности в сферу интернет-репрезентаций чужого успеха связан с неспособностью и нежеланием выстраивать и реализовывать позитивный сценарий собственной жизни. В то же время респонденты с неопределенным опытом чаще состоят в сообществах, связанных с социально-полезной деятельностью, например, посвященных экологии и защите животных (18,5%).

Часть респондентов призналась, что интересуется криминальной тематикой. Состоят в сообществах, посвященных субкультуре «АУЕ» и им подобных преимущественно подростки с анти- и асоциальным опытом (15,5% и 16,7% соответственно). При этом реальный уровень интернет-криминализации скорее всего выше.

Особый интерес для социально-психологического портрета поколения представляют ответы респондентов о любимых героях: персонажах популярных в подростковой среде фильмов и книг, исторических деятелях и современниках. Большая часть подростков (40%) затруднилась с ответом на этот вопрос, указать любимого киногероя смогли 33%, литературного — 25%, исторического — 24%. Среди киногероев чаще всего назывались персонажи из экранизаций комиксов: Человек-Паук, Бэтмен (Брюс Уэйн), Локи из «Мстителей», Комедиант, Роршах, Капитан Америка, Железный Человек (Тони Старк), Звездный Лорд, Тор, Хеллбой и др. Человек-Паук и Железный Человек — самые частые ответы у всех групп. Следующие по частоте упоминаний — персонажи из популярных фильмов и сериалов: Бенджамин Баттон, Деймонд (сериал «Дневники вампира»), Джек из «Титаника», Джон Уик, Дрис из «1+1», Дин Винчестер (сериал «Сверхъестественное»), Джагхед, Леонид Верховцев (сериал «Капитанша»), Драко Малфой, Северус Спейс, Форрест Гамп, Штирлиц и др. Среди любимых киногероев упоминались и представители криминального мира: Реджинальд Крей, Тони Монтана, Саша Белый.

Ответы на этот вопрос (мы неоднократно задавали его во многих исследованиях) показывают, что популярный киногерой — это собирательный фантастический персонаж, обладающий сверхспособностями, своего рода «апгрейд» традиционного «хорошего парня», борющегося за правду и справедливость [см. также: 19; 26]. В то же время распространен и образ *инверсивного героя* — симпатичного преступника, смелого и удачливого авантюриста (Саша Белый из «Бригады» и др.), или даже *антигероя* — «плохого парня» (Роршах, Хеллбой, Локи). Помимо киногероев респонденты часто называли известных актеров: Александр Петров, Анджелина Джоли, Сергей Безруков, Бред Питт, Вин Дизель, Джейсон Стэтхем, Джеки Чан, Чарли Чаплин, Дмитрий Нагиев, Силвестр Сталлоне, Марк Уолберг и др. В основном героический дискурс подростковой культуры формируется экшн-кинематографом, преимущественно зарубежного производства. Его содержание отличается простотой, а главными слагаемыми выступают сила, смелость и умение побеждать врагов. Моральные компоненты этой героики примитивны и размыты, легитимируют насилие как полицейского, борющегося с мафией, так и удачливого преступника, сражающегося с полицейскими.

Среди любимых литературных героев чаще всего упоминаются персонажи из произведений русской классики (самый частый — А.С. Пушкин и Евгений Онегин): Акакий Акакиевич, Андрей Болконский, Андрей Соколов, Анна Каренина, Бедная Лиза, Герасим, Георгий Желтков, Евгений Онегин, Маргарита, Муму, Обломов, профессор Преображенский, Пьер Безухов, Родион Раскольников, Ариэль (А. Беляев), Собакевич, Тарас Бульба, Татьяна из «Евгения Онегина» и др. Согласованность ответов, видимо, говорит о том, речь идет не столько о любимых героях, сколько о произведениях, которые недавно проходили на уроках литературы. Любит читать небольшая часть (около 10%) подростковой аудитории — те, кто наряду с основными произведениями из школьной программы упомянули персонажей из произведения А. Дюма, Ш. Бронте, И. Бродского, Э. По, Дж. Лондона, Р. Брэдли и др.

Среди любимых исторических героев респонденты обычно называли политических лидеров, героев войны, деятелей науки, спортсменов, литераторов (самые частотные — Петр I и И.С. Сталин): Жанна Д'Арк, Александр I, Алексей Михайлович, Спиноза, Брежнев, Гай Юлий Цезарь, Гамильтон, Геркулес, Екатерина II, Елизавета, Емельян Пугачев, королева Виктория, Кутузов, Ленин, Ломоносов, Тесла, Николай II, Путин, Александр Македонский и др. — герои явно соответствуют школьной учебной программе, поэтому российских персонажей названо больше

Указали в качестве героев для подражания родителей и близких родственников около 10%. Каждый пятый (18%) выбрал вариант «любимых героев у меня нет — я сам себе герой». Видимо, это проявление и гипериндивидуализма, и бравады, камуфлирующей вакуум ориентиров. В любом случае мем «моя жизнь — мои правила», популярный среди криминализованных подростков, хорошо согласуется с такой «self-героикой».

Один из вопросов исследования касался норм, которыми респонденты руководствуются в повседневной жизни (Табл. 2). Значительная доля респондентов в повседневной жизни руководствуется «понятиями» — почти 16%, т.е. для статистически значимой части подростков и молодежи криминальная ценностно-нормативная матрица является регулятором поведения. Напомним, что опрос проводился в Краснодарском крае — регионе, где влияние криминальной культуры традиционно существенно ниже чем, например, в Забайкалье или Пермско-Уральском регионе. Почти 27% выбравших этот вариант представителей кластера с антисоциальным опытом могут рассматриваться в качестве носителей устойчивой вторичной криминализации, у которых опыт правонарушений связан с осознанным следованием криминальным ценностям. Отличительной чертой криминализованного сознания является крайний эгоизм и нежелание следовать общепринятым правилам — неслучайно респонденты с антисоциальным опытом чаще других выбирали свободный вариант ответа (14,1%), наиболее популярным среди которых был «моя жизнь — мои правила» в разных формулировках.

Таблица 2

Распределение по кластерам ответов на вопрос «Какими правилами и принципами ты руководишься в повседневной жизни?» (%)

Варианты ответа	Группы			Выборка
	Неопределенный опыт	Антисоциальный опыт	Асоциальный опыт	
В соответствии с законом	48,5	31	39,5	41,8
Общечеловеческие ценности	47,9	45,1	52	49
В соответствии с «понятиями»	13,6	26,8	12,5	15,6
Другое	3	14,1	7,2	6,6

С одной стороны, результаты опроса вызывают тревогу, свидетельствуя о статистических значимых деформациях молодежного сознания, обусловленных влиянием криминальной субкультуры. С другой стороны, алармизм

по поводу «потерянного поколения» часто преувеличен: подросткам свойственно бунтовать против общества и декларировать неприятие его норм, но позже большинство превращаются консерваторов и охранителей правил. Здесь важно соотношение *декларативного* и *глубинного* принятия норм и ценностей криминальной культуры. Реальная идеология криминального мира в сознании обывателей, как и многих адептов «игровой» и первичной криминализации, затеняется мелодраматичным криминальным фольклором с его традиционными темами любви к матери, несправедливости наказания и личного мужества героя-одиночки. В реальности же это идеология социальных хищников — превосходства «право имеющих» над «тварями дрожащими». Респондентам задавался вопрос о степени согласия с содержанием такой идеологии (Табл. 3). Наибольшую степень согласия с ней выразили подростки с опытом антисоциального поведения, но так считает и каждый третий опрошенный (почти 37%), и почти столько же затруднились с ответом. В нормативном пространстве молодежной культуры наблюдаются признаки опасной деформации: идеология потребительского гипериндивидуализма, рыночного социал-дарвинизма и криминальные ценности превосходства сильного над слабым усиливают друг друга.

Таблица 3

**«Насколько ты согласен с мнением героя романа Достоевского
“Преступление и наказание”, что все люди делятся на “тварей дрожащих”
и тех, что “право имеют”?» (%)**

Варианты ответа	Группы			Выборка
	Неопределенный опыт	Антисоциальный опыт	Асоциальный опыт	
Полностью согласен	9	16,9	15,2	12,8
Скорее согласен	21,9	35,2	21,2	24
Затрудняюсь ответить	38,2	32,4	33,8	35,5
Скорее не согласен	21,3	8,5	17,2	17,5
Полностью не согласен	9,6	7	12,6	10,3

Таким образом, глубинные («тонкие») причины подростковой криминализации связаны с процессами, происходящими в сфере культуры, прежде всего в повседневности детства, детско-родительских и гендерных отношений. *Первая группа факторов* связана с *деформациями детско-родительских отношений и детства* как особой социокультурной реальности [14; 21; 22]. В детском возрасте формируются базовые личностные качества, критически важные для последующей жизни — способность к *ценностной саморегуляции* (различению добра и зла и готовности строить свое поведение с учетом этого различения) и *экзистенциальная компетентность* (опыт и способность взаимодействия с миром на основе любви и смысла). Наличие в жизни ребенка любимых людей, игрушек, игр, книг и героев создает необходимую духовную, эмоциональную и интеллектуальную базу полноценной социализации,

позволяющей строить гармоничные, наполненные смыслом и любовью, а не потребительские отношения с миром.

Однако в современном обществе потребления вместо нормального опыта любви, требующей длительных, регулярных совместных переживаний ребенка и взрослого, ребенок чаще всего получает либо ее суррогаты (в форме удовольствий, излишней свободы, избалованности и т.п.), либо не получает совсем — развивается *экзистенциально-эмоциональная депривация*, порождающая два типа последствий, оказывающих прямое влияние на приобщение подростков к криминальной субкультуре. Первое — это стремление к *замещающей компенсации*, когда недополученную в детстве любовь родителей ребенок пытается дополнить в подростковом возрасте в группе сверстников, через их признание и одобрение — отсюда особая ценность «мужского братства» в криминальной субкультуре. Стихийные подростковые коллективы (дворовые компании) в опыте совместных экстремальных переживаний, связанных с совершением или имитацией криминальных деяний, наряду с мотивацией гедонистического риска неосознанно стремятся обеспечить интенсивные эмоции доверия, помощи и т.п., т.е. связи первичного типа. Второе — это стремление к *патологической (перверсивной) компенсации* экзистенциально-эмоционального вакуума. Одним из следствий депривации любви (вследствие травматического опыта или избалованности) является снижение способности к эмпатии и стремление компенсировать чувство неполноценности жестокостью и насилием по отношению к слабым — в этом причины немотивированных на первый взгляд проявлений жестокости в подростковой среде и ее оправдание в системе «понятий» «АУЕ» [7].

Вторая группа факторов связана с процессами нарастающего кризиса мужской идентичности [4] как части общего процесса трансформации традиционных форм гендерной идентичности. В ряде случаев трансформация обретает черты *гендерной инверсии*, проявляющейся и в том, что женщины становятся носителями маскулинных черт — склонности к риску, стремления к преодолению препятствий и конкуренции, готовности брать на себя ответственность и принимать решения. Дома и на работе женщины демонстрируют волю, энергию, настойчивость, аскетизм и другие традиционно «мужские» качества, тогда как мужчины — признаки социальной пассивности, депрессивности, инфантилизма, отказ от ответственности, склонность к отступающему или ритуалистическому (по Р. Мертону) поведению. Эти процессы находят отражение и в пространстве социальной мифологии — индустрии кино, литературе и других жанрах массового искусства. Результатом становится наблюдаемый острый дефицит *нормальной (нормативной) маскулинности*, патологические попытки компенсации которого можно наблюдать и в подростковой криминальной субкультуре.

Для воспитания нормального мужчины обществу необходим *дискурс нормативной маскулинности* и механизмы донесения его содержания до

детей, подростков и юношества. Им нужно рассказать, что значит быть мужчиной и показать это на конкретных примерах, в том числе через практику личного общения. Иными словами, нужны, с одной стороны, книги, фильмы, музыка героического содержания и механизмы привлечения к ним аудитории, а, с другой — включенность отцов и вообще мужчин в процессы воспитания и образования. В современном обществе это проблематично: отцы массово выключены из процесса воспитания; в системе образования, прежде всего, на дошкольном и школьном уровнях доминируют женщины; массовое искусство не способно предложить понятные, убедительные и современные образы нормальной (нормативной) мужественности; из медийного дискурса маскулинности изъята моральная составляющая — маскулинность дегуманизируется, ее атрибутами становятся эгоизм и агрессивность; мужской этос разрушается пропагандой ЛГБТ-дискурса. Эти процессы хорошо заметны на уровне социальной практики и в пространстве актуальной социальной мифологии, массового искусства, где все чаще наблюдается опасная тенденция инверсии героя — вместе традиционного сюжета о «хорошем парне, сражающемся с «плохими парнями» за справедливость, героем становится симпатичный негодяй, агрессивный и эгоистичный, воюющий с другими негодьями ради личной выгоды или амбиций.

Таким образом, притягательность криминальной субкультуры для подростков не в последнюю очередь связана с интуитивным поиском доступных образцов маскулинности. В условиях их дефицита в повседневной жизни и виртуальном пространстве представители криминального мира становятся доступной эталонной группой — носителем мужских архетипов. Причины популярности бандитских «понятий» у подростков и молодежи связаны не только с аномией и утратой нравственных ориентиров — ставший популярным в 1990-е годы термин «крутость» (элемент бандитского этоса) соединял в себе такие качества, как сила, агрессивность и успешность — важную часть мужского этоса [2; 8; 27]. «Источником претензий на господство и статус в бандитской среде являлась не столько физическая сила, сколько способность рисковать жизнью при решении споров или в каких-либо экстремальных ситуациях» [1]. Именно в соответствии криминальной (бандитской) субкультуры воинским архетипам, присущем ей культе силы, личной доблести и презрения к смерти заключаются психологические причины ее привлекательности для юношества, которая во многом обусловлена дефицитом иных примеров.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 19-011-00440 «Глубинные причины подростковой (нео)криминализации в современной России».

Библиографический список

- [1] Волков В.В. Силовое предпринимательство, XXI век. Экономико-социологический анализ. URL: <https://profilib.net/chtenie/107230/vadim-volkov-silovoe-predprinimatelstvo-khkhhi-vek-ekonomiko-sotsiologicheskii-analiz.php>.

- [2] Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М., 1994.
- [3] Зимбардо Ф. Эффект Люцифера: почему хорошие люди превращаются в злодеев. М., 2013.
- [4] Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве: игры, порно и потеря идентичности. М., 2017.
- [5] Кэмпбел Дж. Тысячеликий герой. М., 1997.
- [6] Кэррол О. Понятия не имеют. URL: <https://takiedela.ru/2016/02/aue>.
- [7] На Урале отправлены под арест еще двое участников расправы над инвалидом. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/bf8d5314>.
- [8] Оссовская М. Рыцарь и буржуа: исследования по истории морали. М., 1987.
- [9] Остапенко А.А., Хагуров Т.А. Человек исчезающий. Исторические предпосылки и суть антропологического кризиса современного образования. Краснодар, 2012.
- [10] О состоянии преступности среди несовершеннолетних по итогам 2019 года и мерах по ее профилактике. 24.03.2020. URL: <http://www.kdn-krd.ru/deyatelnost-komissii/zasedanie-komissii-ot-24-marta-2020-goda.php>.
- [11] О профилактике повторной преступности среди несовершеннолетних. 01.10.2021. URL: <http://www.kdn-krd.ru/deyatelnost-komissii/zasedanie-komissii-ot-1-oktyabrya-2020-goda.php>.
- [12] Проект «Анти АУЕ». URL: https://vk.com/ayе_has_to_die.
- [13] Проклятье современной молодежи. URL: <https://pismadljaliz.livejournal.com/4399326.html>.
- [14] Риски взросления в современной России: концепции и факты. Опыт социологического анализа / Под науч. ред. Т.А. Хагурова. М., 2013.
- [15] Свендсен Л. Философия зла. М., 2008.
- [16] Социальный портрет преступности. URL: http://crimestat.ru/social_portrait.
- [17] Ссылка на видео доклада Я. Лантратовой Президенту РФ на заседании СПЧ. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=2&v=CFJ-v-RumjE.
- [18] Тарасов А. Страна из трех букв (АУЕ: Кто стоит за криминализацией подростков, вводит их в преступное пространство, или Хроники новой пионерии) // Новая газета. 2017. № 63.
- [19] Троцук И.В., Субботина М.В. Оценка влияния кинематографа на социальные представления о героизме: апробация одного подхода // Коммуникология. 2018. Т. 6. № 4.
- [20] Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 2007.
- [21] Хагуров Т.А. Разрушение детства как предпосылка экстремизации сознания молодежи // Социальная педагогика. 2016. № 3.
- [22] Хагуров Т.А. В поисках утраченного детства // На краю пропасти. Девиантологические этюды об образовании, культуре и политике. Краснодар, 2015.
- [23] Халецкая И. «Вечер в хату»: насколько опасна субкультура АУЕ. URL: <https://ria.ru/society/20170719/1498753809.html>.
- [24] Что такое АУЕ и стоит ли его опасаться. Это «объект поклонения криминальных подростков» или городской фольклор? URL: <https://meduza.io/feature/2017/06/20/chto-takoe-aue-i-stoit-li-ego-opasatsya>.
- [25] Хагуров Т.А. В поисках глубинных причин подростковой (нео)криминализации: от экономической социологии к социологии детства и гендерной психологии // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии: сб. ст. / Под ред. В.В. Коврова. Симферополь, 2019.
- [26] Trotsuk I.V., Subbotina M.V. Three questions to start the sociological study of heroism // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 1.
- [27] Van Wees H. Status Warriors: War, Violence, and Society in Homer and History. Amsterdam, 1992.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-322-339

Social-psychological reasons for the spread of the “AUE” subculture (hidden factors of the problem)*

T.A. Khagurov, L.M. Chepeleva

Kuban State University
Stavropolskaya St., 149, Krasnodar, 350040, Russia
(e-mail: khagurov@mail.ru; lada-chep@mail.ru)

Abstract. The article identifies the deep causes of the new wave of minors’ criminalization in the Russian society. The authors considered the expert opinions on this issue and found them inconsistent; described the main forms of behavior associated with the adoption of criminal values — primary, game, and re-criminalization which usually have different social localization; summarized the historical aspects of adolescent criminalization in the Russian society and its social-cultural factors. Based on the analysis of the official statistics and the results of the empirical studies conducted in 2019–2020 within the project “Deep causes of teenage (neo)criminalization in contemporary Russia” supported by the RFBR, the authors assess the scale of real and virtual criminalization, features of legal outlook, social-psychological well-being, and worldview of criminalized and ‘ordinary’ teenagers. In addition to the traditionally identified causes of criminalization (social-economic and cultural-educational inequality, deprivation, territorial-geographical specificity, etc.), the authors consider social-cultural factors: first, violations in socialization and child-parental relations — as leading to the deprivation of the need for love and recognition of minors by their parents and to the attempts to compensate this deprivation destructively, with criminal practices; second, the types of minors’ heroes, which determine the normative and gender inversion and the spread of the criminal subculture — as a source of the surrogate pseudo-masculine discourse. The authors make a conclusion that the prevention of minors’ criminalization should be based on psychological-pedagogical and social-cultural technologies, the main actors of which are the family, school and state information policy, while the normative-legal technologies of social control, the actors of which are administrative and law enforcement agencies, should focus on the crime-deterrent function.

Key words: “AUE” (“The prison way of life is the only one”); minors’ criminalization; criminal subculture’ causes and factors of criminalization; normative masculinity; deformed child-parental relations

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 19-011-00440 “Deep causes of teenage (neo)criminalization in contemporary Russia”.

References

- [1] Volkov V.V. Silovoe predprinimatelstvo, XXI vek. Ekonomiko-sotsiologicheskyy analiz [Power entrepreneurship, 21st century. Economic-sociological analysis]. URL: <https://profilib.net/chtenie/107230/vadim-volkov-silovoe-predprinimatelstvo-khkhi-vek-ekonomiko-sotsiologicheskii-analiz.php>. (In Russ.).

* © T.A. Khagurov, L.M. Chepeleva, 2021

The article was submitted on 20.02.2021. The article was accepted on 02.04.2021.

- [2] Durkheim E. *Samoubiystvo: Sotsiologicheskyy etyud* [Suicide: A Study in Sociology]. Moscow; 1994. (In Russ.).
- [3] Zimbardo F. *Effekt Lyutsifera: pochemu khoroshie lyudi prevrashchayutsya v zlodeev* [The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil]. Moscow; 2013. (In Russ.).
- [4] Zimbardo F., Coulombe N. *Muzhchina v otryve: igry, porno i poterya identichnosti* [Man (Dis)connected]. Moscow; 2017. (In Russ.).
- [5] Campbell J. *Tysyacheliky geroy* [The Hero with a Thousand Faces]. Moscow; 1997. (In Russ.).
- [6] Carrol O. Ponyatiya ne imeyut [They do not know the ‘notions’]. URL: <https://takiedela.ru/2016/02/ae>. (In Russ.).
- [7] Na Urale otpravleny pod arest eshche dvoe uchastnikov raspravy nad invalidom [In the Urals, two more participants of the violence against the disabled man were arrested]. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/bf8d5314>. (In Russ.).
- [8] Ossovskaya M. *Rytsar i burzhua: issledovaniya po istorii morali* [Knight and Bourgeois: A Study on History of Morality]. Moscow; 1987. (In Russ.).
- [9] Ostapenko A.A., Khagurov T.A. *Chelovek ischezayushchy. Istoricheskie predposylki i sut antropologicheskogo krizisa sovremennogo obrazovaniya* [Disappearing Man. Historical Prerequisites and Essence of Anthropological Crisis in Contemporary Education]. Krasnodar; 2012. (In Russ.).
- [10] O sostoyanii prestupnosti sredi nesovershennoletnikh po itogam 2019 goda i merakh po ee profilaktike [On the state of juvenile delinquency at the end of 2019 and measures to prevent it]. 24.03.2020. URL: <http://www.kdn-krd.ru/deyatelnost-komissii/zasedanie-komissii-ot-24-marta-2020-goda.php>. (In Russ.).
- [11] O profilaktike povtornoy prestupnosti sredi nesovershennoletnikh [On the prevention of re-criminalization of minors]. 01.10.2021. URL: <http://www.kdn-krd.ru/deyatelnost-komissii/zasedanie-komissii-ot-1-oktyabrya-2020-goda.php>. (In Russ.).
- [12] Proekt “Anti AUE” [Project “Anti AUE”]. URL: https://vk.com/aye_has_to_die. (In Russ.).
- [13] Proklyatie sovremennoy molodezhi [The curse of contemporary youth]. URL: <https://pismadljaliz.livejournal.com/4399326.html>. (In Russ.).
- [14] *Riski vzrosleniya v sovremennoy Rossii: kontseptsii i fakty. Opyt sotsiologicheskogo analiza* [Risks of Growing up in Contemporary Russia: Concepts and Facts. A Sociological Analysis]. Pod nauch. red. T.A. Khagurova. Moscow; 2013. (In Russ.).
- [15] Svendsen L. *Filosofiya zla* [A Philosophy of Evil]. Moscow; 2008. (In Russ.).
- [16] Sotsialny portret prestupnosti [Social portrait of crime]. URL: http://crimestat.ru/social_portrait. (In Russ.).
- [17] Ssylka na video doklada Ya. Lantratovoy Prezidentu RF na zasedanii SPCh [Link to the video of Y. Lanratova’s report to the President of the Russian Federation at the HRC meeting]. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=2&v=CFJ-v-RumJE. (In Russ.).
- [18] Tarasov A. Strana iz trekh buk (AUE: Kto stoit za kriminalizatsiyey podrostkov, vvodit ikh v prestupnoe prostranstvo, ili Khroniki novoy pionerii) [Country of three letters (AUE: Who is behind the criminalization of minors, introduces them into the criminal space, or Chronicles of a new pioneer organization)]. *Novaya Gazeta*. 2017; 63. (In Russ.).
- [19] Trotsuk I.V., Subbotina M.V. Otsenka vliyaniya kinematografa na sotsialnye pred-stavleniya o geroizme: aprobatsiya odnogo podkhoda [Assessment of cinematographic influence on social representations of heroism: Approbation of an approach]. *Kommunikologiya*. 2018; 6 (4). (In Russ.).
- [20] Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [The Anatomy of Human Destructiveness]. Moscow; 2007. (In Russ.).
- [21] Khagurov T.A. Razrushenie detstva kak predposylka ekstremizatsii soznaniya molodezhi [Destruction of childhood as a prerequisite for the extremization of the youth outlook]. *Sotsialnaya Pedagogika*. 2016; 3. (In Russ.).

- [22] Khagurov T.A. V poiskakh utrachennogo detstva [In search of the lost childhood]. *Na krayu propasti. Deviantologicheskie etyudy ob obrazovanii, kulture i politike*. Krasnodar; 2015. (In Russ.).
- [23] Khaletskaya I. “Večer v khatu”: naskolko opasna subkultura AUE [“Good evening to the hut”: How dangerous the AUE subculture is]. URL: <https://ria.ru/society/20170719/1498753809.html>. (In Russ.).
- [24] Chto takoe AUE i stoit li ego opasatsya. Eto “ob`ekt pokloneniya kriminalnykh podrostkov” ili gorodskoy folklor? [What is AUE and is it worth fearing. Is it “the object of adoration of criminal teenagers” or urban folklore?]. URL: <https://meduza.io/feature/2017/06/20/chtotakoe-aue-i-stoit-li-ego-opasatsya>. (In Russ.).
- [25] Khagurov T.A. V poiskakh glubinykh prichin podrostkovoy (neo)kriminalizatsii: ot ekonomicheskoy sotsiologii k sotsiologii detstva i gendernoy psikhologii [In search of the deep causes of minors’ (neo) criminalization: From economic sociology to sociology of childhood and gender psychology]. *Profilaktika deviantnogo povedeniya detey i molodezhi: regionalnye modeli i tekhnologii*: sb. st. Pod red. V.V. Kovrova. Simferopol; 2019. (In Russ.).
- [26] Trotsuk I.V., Subbotina M.V. Three questions to start the sociological study of heroism. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (1).
- [27] Van Wees H. *Status Warriors: War, Violence, and Society in Homer and History*. Amsterdam; 1992.